

В чём он, секрет сохранения человечности? Это один из ключевых вопросов, волнующих героев очерков и рассказов Ивана Привалова из сборника «Самый западный день», увидевшего свет в Калининграде в 2018 году.

Вопрос, который тревожит не одно поколение людей всех стран, всех эпох. Кажется, это привычно, избито, но, тем не менее, актуальность вопроса не исчезает. Да и вряд ли исчезнет – во всяком случае, пока человек остаётся человеком.

Герои рассказов Привалова по-разному ищут ответ на этот вопрос. И не всегда ответ находится. Порою простые истины закрывает шелуха обыденности. Но тем ценнее прорыв сквозь лес преград к искомому.

Многие рассказы пронизаны отсылками к прошлому. Это может быть уводящая во временные дали собственного детства тропа, когда мир был не познан, когда всё озаряло

солнце счастья – даже в бедность и лишения. Мир шелестел огромными деревьями, за которыми, казалось, скрыта вселенная, а вовсе не соседняя деревня или город. И дождь проливающейся радостной нови растил траву во дворе и тебя, взрослеющего, умнеющего, тянущегося за огромные деревья. Всё это в – небольших, ёмких рассказах Ивана Привалова «Охота» и «Дорога, несущая детство». Будто старые выцветшие фотокарточки погружают нас в воспоминания – грёзы давно сбывшегося. Кому-то покажется – зарисовки прошлого. Лично мне же они кажутся обжигающими осколками памяти, от которых может вспыхнуть бумага – так они горячи.

Такими же пылающими осколками, наполненными тягучей атмосферой войны – войны не события, не факта, не эпизода, а войны как действительности, предстают рассказы Привалова о чеченских войнах. Писатель прошел две чеченские кампании, прожив их и пережив. Впечатления с документальной достоверностью выкристаллизовались в рассказах сборника «Филиппыч», «День независимости», «То, что мы потеряли», «Добро пожаловать в ад», «Бусы», «Тот, кто лежал у окна». В них предстаёт ужас войны как действительности – страшной обыденности, уносящей жизни друзей. Каждый миг может стать последним – для радости и горя.

В прозе Привалова много сочных, выразительных примет войны, сотворяющих магию эффекта присутствия. Чего стоит «довольный дым» от пожарищ – именно таким, довольным inferнальным змеем горят дома, склады, техника в любую из войн. Это нужно увидеть и почувствовать – это правда очевидца. Если передать другим словом – это правда писателя.

Война как высшая форма бесчеловечности пробуждает вопрос о ценности человечности. Этот вопрос переходит из рассказа в рассказ, проявляясь то открыто, то маскируясь. Но всегда – он стержень, держащий повествование. Конечно, автор не пытается изобразить занудного коуча, дающего простой ответ на сложный вопрос. Предлагаемые писателем ответы звучат просто, ненавязчиво. Тем больше, нам кажется, их цена.

В царстве смерти и огня, в пылу войны герои Привалова показывают наглядно этот простой ответ. Он действительно прост, как просты жизнь и смерть. Любовь к ближнему – так

по-библейски кратко его можно сформулировать. А выражается эта любовь по-разному – в заботе о товарище, в верности своим обещаниям (как это многое значит на войне!), в милосердии и доброте к страдающим, в беспощадности к собственным недостаткам. В способности прощать, очищаться от скверны ненависти – даже к врагам. Именно так, просто, давно очевидно звучат эти истины. Вдалеке от войны эти слова кажутся пресными, а вот на войне они звучат как проповедь под сводами собора – пронизывает тебя насквозь.

Тема войны одна из центральных в сборнике, это и понятно, поскольку тесно привязана к самому автору, его опыту, впечатлениям, всей жизни. Это и придаёт этим рассказам настоящесть, не искусственность, а подлинность документа, своеобразного личного дневника.

Эта дневниковость проявляется и в других рассказах Ивана Привалова, будь они посвящены службе и личным впечатлениям от столкновения с жизнью («Саксофон», «Женька», «Наставники», «Камин», «Пентагон», «Рысь, копающая картошку») или единению с миром ребенка, познающего жизнь («Эхо», «Самый западный день», «Волны Лохштедского леса», «Не надо нас бояться», «Мы говорим с лесом», «Фонарик»). Эта искренность и подкупает читателя, заставляет верить и сопереживать героям рассказов Привалова. И из этого пробужденного чувства сопереживания вырастает понимание Человека – в себе и в твоём близком. А раз так, то и постигается чудо человечности.